

Николай Алефиренко

Белгородский государственный университет, Белгород

КОГНИТИВНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ
МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА*

Введение

Новые интеллектуальные и культурные течения, возникавшие в ходе переосмысления модернистского наследия, принято называть «постмодернизмом» или «постструктурализмом». Это, конечно, недостаточно терминологизированные номинации. Вместе с тем они весьма популярны, хотя и крайне ненадежны, в силу невероятной размытости тех значений, которые каждый пользователь в них вкладывает. Впрочем, сама эта ненадежность смысла является характерной приметой новых лингвистических парадигм. Как бы там ни было, постмодернистский «демонтаж» философских основ структурной лингвистики, поэтики и семиотики имеет самое непосредственное отношение к современному состоянию науки о языке, поскольку именно благодаря ему обострились слабости и противоречия рационалистического (по сути, картезианского) понимания языка.

Важнейшей чертой современной лингвистической методологии является отказ от принципа конструктивного единства и упорядоченности как конечного идеального состояния, к которому моделирующая лингвистическая мысль стремится прорваться сквозь «хаос» речемыслительного континуума. Сегодня всякое слишком чистое и последовательное проявление «логоцентрического» порядка в лингвистических рассуждениях встречается с недоверием и скептицизмом. Во всяком речемыслительном феномене в первую очередь ценится его многоликость, наличие разнородных и противоречивых компонентов,

* Работа выполнена в рамках научного проекта, предусмотренного тематическим планом Министерства образования и науки РФ (2007 г.).

тенденций и голосов. Видимо, поэтому к последней трети XX в. стало очевидным, что линейная лингвистика, по сути дела, утрачивает свои конструктивный потенциал. Намечается кризисная ситуация. Предлагаются самые разные пути выхода из нее. Одни исследователи полагают, что она должна быть реформирована, другие настаивают на том, что пришла пора и вовсе отбросить ее как устаревшую парадигму и заменить когнитивистикой, понимая под таковой определенный набор гносеологических дисциплин и подходов.

1. Когнитивно-семиологический подход

Понять, в каком направлении будет развиваться современная лингвофилософия, можно, лишь осознав опыт XX века и наметившиеся современные тенденции. При этом мы неизбежно оказываемся перед проблемой отношения к той традиции, которая представлена прежде всего текстологической концепцией Декарта – основателя рационализма. Известно, что принципы его методологии были основаны на антиисторичности разного рода механических приемов анализа текста – основного объекта лингвистики.

Русская текстология создавалась на иных методологических основаниях. Ею были введены фундаментальные принципы целостности (А. Шахматов) и историзма (Д. Лихачев); применены принципиально иные методы, в которых стремление к формальной классификации, создавали иллюзию точности, переосмысливались с точки зрения содержательного исследования текста, истории его существования в культуре. История письменного памятника стала пониматься как история создавших его людей, т.е. в тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, с общими проблемами культуры, «человековедения» в целом. Таким образом, текстология стала принципиально иной наукой, в которой вместо механических схем и подсчетов стали применяться методы, учитывающие в целом конкретную рукописную традицию, включенность фрагментов в целостный текст, а также текстологическое сопровождение текста. В сочетании с принципом историзма это дало особенно существенные изменения в методологии: изучать изменения текста памятников стали теперь не только по внешним признакам, но в связи с изменением содержания памятников, их идейной направленности. Существенно также и то, что «текстология имеет дело прежде всего с человеком, «стоящим за текстом» и той средой, в которой текст порождается, «живет» и воспринимается. Обращение к феномену среды инициировало появление категории

дискурса. В связи с этим возникает тенденция к переосмыслению принципов «отражательной» семантики.

В европейской лингвистике XX века, ориентированной на «отражательную философию», как бы не замечали того факта, что лингвокогнитивный процесс не исчерпывается отражательными процедурами и сам результат — знание как вербализуемый образ познаваемого — часто достигается другими по природе средствами или в тесном взаимодействии с ними. Современная философия познания позволяет расширить спектр когнитивных средств. Наряду с отражением, методологически важными являются:

(а) репрезентация — как амбивалентный по природе феномен одновременного представления (отражения) объекта и его замещения (конструирования, моделирования);

(б) конвенция — как обязательное коммуникативное по своей природе звено в лингвокогнитивной деятельности человека;

(в) интерпретация — не только момент познания (истолкования смыслов), но и способ бытия как осуществленного понимания.

Такой методологический подход особенно ценен для лингвокогнитивного исследования сверхсловных образований в системе языка и речи лингвистики текста (образования сукцессивного, линейного) и лингвистики дискурса (принципиально нелинейной организации). Для утверждающейся методологии принципиально важно учитывать природу познания. Ведь субъект познания, прежде всего, — это субъект интерпретирующий, поскольку существование человека говорящего, его речемыслительная деятельность развертываются не только и не столько в объективной действительности, сколько в мире созданных им языковых образов и символических форм, объективно присущих любой лингвокультуре. Более того, сущность интерпретации не исчерпывается текстопорождающей деятельностью; она, по мнению Л.А. Микешиной, «выходит за ее пределы в сферу фундаментальных основ познания и бытия» (2002, 21). Интерпретация, за которой всегда стоит субъект, задающий и считывающий смыслы, опирается на нелинейный образ мира, фокусирующий в себе, по крайней мере, три источника познания: (а) бытийно-экзистенциальный, (б) социокультурный и (в) собственно когнитивные его аспекты — гносеологические, методологические и герменевтические.

Признание фундаментальной значимости интерпретирующей функции субъекта речемыслительной деятельности, вызывает необходимость уже с точки зрения современной когнитивной лингвистики вернуться к интерпретации природы лингвистического релятивизма, которая, по словам У. Эко, будет бесконечной. Устремившись на поиски последнего

и недостижимого смысла, мы тем самым соглашаемся с существованием нескончаемого скольжения смысла. Его поиск и является предметом когнитивной семиологии (Алефиренко 2007а), если, конечно, под семиологией понимать не синоним к термину *семиотика*, а некую семиотропию, где знак воспринимается как «вспышка воображаемого» (Р. Барт). В основе когнитивно-семиологического подхода лежит потребность в переосмыслении лингвистического рационализма. Можно надеяться, что переосмысление философского релятивизма в таких его ипостасях, как немецкий историцизм, неокантианство и учение Гуссерля, позволит выяснить конструктивные свойства релятивной природы знания и его репрезентации средствами синтаксиса предложения-высказывания и текста. Такой подход позволит интегрировать в когнитивную лингвистику опыт герменевтики, имеющей дело с языком, текстами, значениями и смыслами, означающими и означаемыми.

Формирование принципов современной когнитивной семиологии создает условия для двунаправленного исследования проблем взаимного воздействия языка и познания. Как отмечают сами философы, «традиционная гносеология, по существу, «обходилась» без языка или предельно ограничивала его функции, не обращалась к смыслам и значениям, выявлению роли языковых феноменов в чувственном и абстрактно-логическом познании, что сегодня представляется невозможным» (Микешина 2002, 21). Интегрирование в когнитивную семиологию герменевтического опыта позволит понять, в каких формах, понятиях и концептах, с помощью каких приемов богатейший опыт языка может быть включен в гносеологию. Это, несомненно, позволит по-новому осмыслить роль языка в познании, перейти с уровня отдельных понятий и предложений на уровень целостного подхода. В таком осмыслении язык предстает уже не только системой знаков и их значений, в «мыслеформирующей» и коммуникативной функциях, но и как культурно-историческая «универсальная среда», «горизонт онтологии» в целом, где человек познающий начинает понимать самого себя и свою сущность. В этом смысле интересно восприятие иврита русскоязычной девушкой:

Случалось ли вам в детстве до одури играть в «слова»? Когда наперегонки ты пытаешься выжать из какого-нибудь длиннющего кудрявого причастия — как из выкрученной жгутом прополощенной простыни последние капли влаги — еще два-три коротеньких, словца, еще одно, еще междометие! (Долгие дождливые вечера на застекленной дачной веранде. Немыслимые интеллектуальные усилия над словом «коллективизация». И были, были гиганты, выживающие из этого слова фразу «или Ицик взял кота?»!) А после машинально крутишь каждое мамино мимоходом брошенное слово, выкраивая из него бессмысленные лоскуты. Местное звуковое пространство — ивритская языковая среда

— для моего бедного русского слуха навечно озвучено двойко. Первородный смысл слова накладывается на похоже звучащее, но подчас противоположное по смыслу слово другого языка — так два случайно наложенных друг на друга кадра (техническая неисправность фотоаппарата) образуют некую фантастическую картинку. С детства отлитые в золотую форму воображения контуры слова расплываются, образуя дополнительные зрительные, слуховые и ассоциативные обертоны. Рождается странный гибрид другого измерения, влачащий за собою длинный шлейф иносмысловых теней... (Рубина, *Воскресная месса в Толедо*).

Обращение к языку естественным образом вводит в познание эмпирического субъекта и самого носителя языка — целостного человека познающего, тем самым преодолеваются чрезмерные абстракции гносеологии, когда реальный познавательный процесс, живое знание и познающий человек заменялись «фикциями». Анализ такой лингвокогнитивной «единицы», как концепт – способ задания объекта в полноте его конкретности и целостности, — дает возможность увидеть, как происходит движение от непосредственного, целого к предельной абстракции, выраженной в понятии. Точно так же можно проследить и обратный путь от абстрактных понятий гносеологии к феномену концепта. Это, можно надеяться, будет способствовать пониманию художественных и других текстов, где обычно господствуют не строго определяемые логические понятия, а именно концепты, выражающие скорее интуитивно, нежели логически, схватываемые смыслы. Выясняется также возможность (и правомерность!) использования в научных текстах не только понятиями, но и концептами как когнитивными сущностями, предстающими в виде «смыслообразов», а также сложных структурных образований из элементов различной, в том числе довербальной, природы (см. Ракитина 2007, 11). Введение в лингвистику понятия «концепт» открывает возможность проникнуть в тайну рождения языковых концептов.

Установлено, что на первой стадии формирования языковых концептов исключительно важную роль играет сверхсознание — творческая интуиция, или вдохновение. Благодаря тому, что сверхсознание не контролируется сознанием, возникает необходимость в переформулировке имеющихся в науке результатов. Сознание осуществляет окончательный отбор вновь созданной информации. Тем самым преодолеваются абстрактные схемы и понятия традиционной гносеологии, а вместе с развитием рациональной модели целостного познания, с необходимостью включающей язык и его структурные формы, расширяется содержание самого представления о рациональности. Как убедительно показывает С.В. Ракитина, концепт в научном тексте «выступает единицей созна-

ния, мыслительным образованием, актуализирующимся в научном дискурсе ученого на определенном этапе его научного познания. Это 'квант' знания, предопределяющий, в конечном счете, интенциональное содержание нового научного текста и служащий источником его смыслопорождения. Объективируясь в языке, научный концепт семантикой своего именованя отражает сущность заключенного в нем нового знания» (Ракитина 2007, 28). Такое понимание роли в научном дискурсе слабо структурированного когнитивного образования, каким является концепт, стало возможным лишь в эпоху лингвистического постмодернизма. На этапе логоцентрической лингвистики считалось, что научное мышление оперирует исключительно понятиями.

2. Когнитивно-синергетический подход

С второй половины прошлого века в мировой лингвистике наметился кризис классической семиотики и логической семантики. Все это вызвало смену научно-исследовательских парадигм в направлении от структуралистского к постмодернистскому стилю лингвистического мышления. Одним из его наиболее сложных направлений является формирование в лингвистике когнитивно-синергетической методологии, обогащающей нашу науку не только новыми гуманитарными категориями (среди них: полифония и интертекстуальность — принципы организации текста), но и категориями других наук, такими как диссипативность, антисциентизм, прагматика и др. Их внедрение в лингвистическое мышление нередко приводит к кардинальным изменениям сложившегося представления об иерархии базовых категорий языкознания. Так, например, сформировавшаяся лингвопрагматика утверждает приоритет прагматики над семантикой и в результате такого подхода пересматриваются известные схемы соотношения языка и его окружения: утверждается новая концепция, согласно которой среда доминирует над знаковыми системами. С конца XX века в науке о языке таинственной незнакомкой появляется лингвосинергетика, исследующая процессы спонтанного образования единиц языка, их структурирования в системы и подсистемы (подробнее см.: Алефиренко 2007а). Лингвосинергетика обращена к моделированию единиц речи, к закономерностям комбинаторной реализации языковых знаков в тексте и, шире, в дискурсе (Степанов 1995). Уже можно считать установленным, что при наличии определенного неупорядоченного множества взаимодействующих элементов и в результате такого взаимодействия в системе языка и в речи (тексте) самопроизвольно возникают упорядоченные структуры, способные

передавать необходимую человеку информацию. Под множеством взаимодействующих элементов мы понимаем гетерогенные по своей природе структуры (объекты психики, языка, речи-мысли и дискурса), которые все же подчиняются доминантным механизмам психики, служащим порождению и обеспечивающим общую гармонию в речемыслительной деятельности человека. Вне такого рода упорядочения и взаимодействия данное множество пребывает в хаосе, напоминающем то всем известное состояние, когда мы пытаемся свои смутные представления и догадки, появляющиеся на начальном этапе познания вывести в светлую зону своего сознания. Затем сопоставить их с уже имеющимся опытом и найти им мыслительную огранку и адекватную языковую репрезентацию. Тем самым возникает потребность в генезисе языковых единиц и в механизмах речеобразования, в свое время моделируемых на материале детской речи Ж. Пиаже. Все это направлено на достижение одной стратегически важной цели: кодированию и декодированию полученной в познавательных актах информации. В результате нахождения «точек соприкосновения» когда-то разрозненных и смутно осознаваемых элементов возникает возможность их взаимодействия и тогда на месте хаоса самопроизвольно рождается тот определенный порядок, благодаря которому обособленная энергия этих элементов организуется в синергетику (*Synergetics of Cognition*, 1990). С этой точки зрения, в нервной системе процессы самоорганизации являются результатом широких ассоциативных связей между нервными клетками, подчиняющихся закону Хебба (Hebb): если два взаимосвязанных нейрона в сходном состоянии реагируют одновременно, их связь укрепляется.

Методология когнитивно-синергетического подхода по своему содержанию близка к основным идеям лингвистического постмодернизма и постструктурализма, отрицающих линейное мышление, существование единственной истины о системе языка и механизмах ее обновления. В качестве примера можно обратиться к обновлению такой консервативной подсистемы языка, как фраземика. Когнитивно-синергетический подход органически вписывается в онтологические свойства неофраземики уже хотя бы потому, что в центре его повышенного внимания находится качественная оценка информации — ее ценностно-смысловое содержание, то есть то свойство, которое является для фразеологии категориальным.

Когнитивные стимулы появления нового слова впервые были определены Ю.С. Степановым. Сначала, пишет ученый, возникают мерцающие концепты, которые необходимо подвести под определенную категорию. Но как? Только посредством их вербализации, или именования. Но поскольку язык не располагает такого рода лексическим

ресурсом, такое действие осуществить невозможно. Потребность создает сознание, а озарение в нашем сознании причин и механизмов порождения нового имени наступает лишь тогда, когда человек испытывает потребность в том, чтобы приспособиться в отношении причины. Нет затруднения в применении, значит, нет потребности, а, следовательно, и нет осознания ни этой потребности, ни способа ее удовлетворения. Можно предположить, что описанные у Гадамера пред-знания и пред-рассудки, способы структурирования опытного знания в форме концептов могут быть интерпретированы и обогащены с помощью представлений о доконцептуальных структурах, категоризации восприятий и использования метафоры для понимания опыта. С другой стороны, существование допонятийных структур, концептов, метафор объясняет фундаментальную роль понимания и необходимость интерпретации, что в который раз говорит о значимости интеграции когнитивной синергетики и герменевтики. Достаточно ярко высказанные положения прослеживаются на материале современной неофразеологизации.

Прежде всего, следует отметить, что стимулирующим рождение неофраземы фактором является, конечно же, формирование нового концепта путем интерпретации и концентрации дискурсивно-смыслового континуума: *перекрыть кислород, черная дыра, мыльная опера*. Вполне очевидно, что ценностные свойства информации находятся в эпицентре фразеомообразовательного процесса.

Неофразеологизация как синергетическое явление – процесс и условие саморазвития сложных структур – происходит, если использовать «язык» самой синергетики, в *открытой неравновесной* микросистеме вдали от состояния равновесия. Такой *открытой неравновесной* микросистемой, в недрах которой рождается и осуществляется неофразеологизация, является когнитивно-дискурсивная среда. Неравновесность ее состояния среды обуславливается различными динамическими факторами, приводящими к ее неустойчивости. Фразеомообразовательная синергетика представляет собой быстро развивающиеся системы, обменивающиеся энергией с дискурсивной средой своего обитания. Все это создает необходимую неофразеологизации гармонию системы и ее среды.

Однако внедрение когнитивно-синергетической методологии в исследовательские парадигмы современной лингвистики осложняется метафорически неоднозначным использованием синергетической терминологии. Уточним некоторые понятия на примере неофраземики. Сложность — одно из важнейших свойств фразеологической подсистемы, предполагающих применение когнитивно-синергетического подхода к исследованию неофраземики. Даже незначительные флуктуации

(нанномасштабные изменения) дискурсивной среды могут вызывать стремительную неофразеологизацию, выводящую на новый аттрактор – относительно устойчивое состояние системы, которое как бы притягивает к себе все множество ее траекторий, определяемых разными начальными условиями. Под аттрактором неофразеологизации понимается то относительно стабильное состояние, к которому в данный момент стремятся фразеологические неологизмы, представляющие собой наиболее открытую нелинейную систему. Кстати, в лингвосинергетике аттракторы служат основной целью языковой эволюции. Открытость фразеологической подсистемы — наличие в ней нелинейных обратных связей, нелинейных источников и стоков (энергии, ресурсов, информации и др.) — является необходимым условием существования в ней неравновесных состояний. В совокупности с нелинейностью фактор открытости поддерживает в дискурсивной среде неоднородности и делает возможной саморазвитие и самоорганизацию.

Существование разных путей неологизации фразеологического корпуса языка связывается, в первую очередь с бифуркациями при изменении параметров дискурсивной среды. Бифуркация — это точка ветвления путей неофразеологизации. Проходя точку бифуркации, фразеологическая подсистема «выбирает» одно из возможных направлений своего обновления. Названные механизмы лингвосинергетики не являются прерогативой неофразеологии. Они достаточно адекватно «работают» при исследовании всех сложно организованных подсистем языка.

Заключение

Нелинейность системы языка в целом и отдельных ее подсистем открывает новые возможности в исследовании характера их взаимодействия со средой своего обитания, в результате которого стало возможным говорить о лингвокультуре как некоем комплексном феномене. Нелинейный мир лингвокультуры необъятен, как космос. Новый виток его освоения связан с развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы. В его многомерном пространстве постепенно исчезают белые пятна. И наоборот, возрастает перечень раскрытых тайн, явными становятся невидимые нити, связывающие язык и культуру в единое, синергетически организованное этноязыковое сознание. Поскольку нелинейное мышление бесконечно, необозримы и горизонты лингвокультурологической синергетики (Алефиренко 2007). Она, можно надеяться, уже стоит на пороге новых значительных открытий... Осо-

бенно перспективными мне представляются лингвосинергетическое осмысление культурно маркированных подсистем языка. Их нелинейность означает, что результат воздействия коммуникативно-прагматических факторов на ту или иную подсистему не пропорционален интенсивности этого воздействия. Важным отличием нелинейности языковых подсистем от прочих линейных является невозможность однозначного предсказания путей и способов ее обновления: для нелинейных систем вообще характерно несколько вариантов неологизации. Нелинейность языковых подсистем приводит к ее избирательному реагированию на воздействия дискурсивной среды, когда «соответствующее» воздействие оказывает на обновление этой подсистемы бóльшее влияние, чем воздействие более сильное, но по своей организации не соответствующее ее собственным тенденциям. Нелинейность когнитивно-дискурсивного пространства порождает своего рода квантовый эффект порождения языковых знаков: дискретность спектра путей обновления номинативной системы. Иными словами, в нелинейной дискурсивной среде возможен далеко не произвольный путь неологизации языка, а только определенный набор возможностей его обновления и совершенствования.

Библиография

- Алефиренко, Н. Ф. (2007). *Лингвистическая синергетика: истоки, принципы, сущность*. В кн.: *Studia Linguistica Cognitiva: Форматы знания в естественном языке и в метаязыке лингвистики*. Иркутск, 16–21.
- Алефиренко, Н. Ф. (2007а). *Когнитивно-дискурсивная синергетика языка*. «AUSPICIA», 1, 14–20.
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. (1990). *Метафоры, которыми мы живем*. В кн.: *Теория метафоры*. Москва, 141–158.
- Микешина, Л. А. (2002). *Философия познания. Полемические главы*. Москва.
- Ракитина, С. В. (2007). *Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста*. Волгоград.
- Степанов, Ю. С. (1995). *Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности*. В кн.: *Язык и наука конца XX века*. Москва, 5–27.
- Haken, H., Stadler, M. (eds.) (1990). *Synergetics of Cognition*. Berlin.

Nikolai Alefirenko

COGNITIVE-SYNERGETIC IDEAS
OF CONTEMPORARY LINGUISTIC POSTMODERNISM

Summary

The current analysis focuses of the linguistic-cognitive process and its aspects. The modern philosophy of knowledge allows involving a wider spectrum of cognitive means (representation, convention and interpretation). Such methodological approach is especially valuable in the study of derivative formations in the system of language and text, particularly in the study of discourse and its nonlinear organization.

Nikolaj Alefirienco

KOGNITYWNO-SYNERGETYCZNE IDEE
WSPÓLCZESNEGO POSTMODERNIZMU LINGWISTYCZNEGO

Streszczenie

Niniejsza analiza koncentruje się na aspektach procesu kognitywno-lingwistycznego. Współczesna filozofia wiedzy pozwala na zaangażowanie szerszego spektrum środków kognitywnych (reprezentacji, konwencji oraz interpretacji). Takie podejście metodologiczne jest szczególnie wartościowe przy badaniu formacji pochodnych w systemie języka i tekstu, a zwłaszcza przy analizie dyskursu i jego nieliniowej organizacji.